

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ» ДОСУГ И «ПРОСТЫЕ» РАЗВЛЕЧЕНИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КАК СИСТЕМА СИГНАЛОВ

Надежда Соколова

*Надежда Соколова, департамент социологии, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).
Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Седова, 55/2, Санкт-Петербург, 192019,
Россия. nasokolova@hse.ru.*

Автор выражает благодарность Татьяне Третьяковой и Арсению Веркееву за помощь в подготовке гайда интервью, а также карточек со списками авторов и фильмов/сериалов, использованных в качестве стимульного материала, и Марии Ивановой за помощь в поиске информантов.

В работах, где культурное потребление переплетается с изучением стратификации, исследователи фокусируют внимание на возможностях и последствиях использования культурного капитала как сигнала в интеракции. В этом случае авторы не только фиксируют отличия в способах организации досуга, но также изучают, как индивиды формируют группы на основании близости культурных предпочтений, исключая тех, чьи интересы распознаются как «плохой вкус». Сигналы выражения «хорошего» или «плохого» вкуса рассматриваются как тип информации, позволяющий индивиду разделять окружение на «своих» и «чужих». В этой линии рассуждений основным вопросом является взаимосвязь между практиками потребления и социальной позицией индивида, при этом социальная позиция может определяться довольно широко: не только как принадлежность к классу в бурдьевицкой традиции, но также, например, через профессиональный статус или уровень образования. В этой работе мы ставим вопрос о единстве системы сигналов и способах ее использования. Одинаково ли индивиды представляют способы выражения «хорошего» или «плохого» вкуса? Какими сигнальными функциями их наделяют? На основании проведенных в Санкт-Петербурге интервью мы делаем вывод о том, что, несмотря на единство классификации объектов культуры, только для представителей более ресурсной социальной группы оценивание своего и чужого потребления становится частью механизма выстраивания внешних границ, тогда как представители менее ресурсной группы не придают такого значения вопросам выражения вкуса.

Ключевые слова: культурное потребление; социология искусства; социальная стратификация; культурный капитал; социальные границы

ВВЕДЕНИЕ

В социологической традиции обсуждение культурного потребления – это разговор о том, какие способы проведения досуга более или менее желанны для индивида, и поиск ответа на вопрос о том, по каким границам проходит деление между группами со схожими вкусами (Bourdieu 1984; Veblen [1899] 2017; Weber [1921] 1978).

Это означает, что нас интересуют не только видимые различия в потреблении, например, в частоте посещения художественного музея или выборе определенной марки вина, но и наличие разных концептуальных схем, которые потребители используют, чтобы оценивать собственное потребление и досуговые практики друг друга. В российском контексте аналогом будут рассуждения о «хорошем» и «плохом» вкусе: например, любовь к каким фильмам или книгам будет порицаема как свидетельство «плохого» вкуса или, наоборот, одобряема как показатель «хорошего». В статье 1988 года Мишель Ламон и Анетт Ларо, пытаясь разрешить путаницу в различном понимании концепта культурного капитала Пьера Бурдьё, обобщают этот взгляд на изучение потребления как механизма создания различий, определяя культурный капитал через его функцию как «институционализованные, то есть широко распространенные, культурные сигналы высокого статуса (установки, предпочтения, формальное знание, поведение, товары и удостоверения), используемые для социального и культурного исключения» (Lamont and Lareau 1988:158)¹. Культурный капитал в этом случае выступает как средство объединения или исключения, как основание создания статусных границ.

Обобщая исследования социальных границ, Мишель Ламон и Вираг Молнар (Lamont and Molnar 2002) говорят о существовании механизма социального исключения как результата реализации (в поведенческих паттернах) существующих у индивидов концептуальных схем. В случае культурного потребления это связано с механизмом разделения объектов и практик потребления на легитимные и нелегитимные (пользуясь терминологическим аппаратом Бурдьё: Bourdieu 1984) и приписыванием тех или иных качеств индивидам, замеченным в потреблении соответствующего объекта. Проведенные исследования показывают, что сходства или отличия во вкусах связаны с процессом построения дружеских или брачных связей (DiMaggio and Mohr 1985; Lizardo 2006), что означает наличие барьеров для тех индивидов, которые чувствуют себя недостаточно уверенно при взаимодействии с высокой культурой (DiMaggio 1987).

Рассматривая культурный капитал в данной перспективе, мы хотели бы обратить внимание на вопрос наличия или отсутствия консенсуса относительно понимания данных сигналов. Пол Димаджио (DiMaggio 1987:448), описывая системы классификации искусства², свойственные разным обществам, в качестве одного

¹ Ламон и Ларо в этом тексте обращаются непосредственно к Бурдьё и его последователям, однако, рассуждая о культурном капитале как используемом в интеракции сигнале, мы обязательно обращаемся к классовой системе стратификации. В других исследованиях мы можем проследить схожую тенденцию рассмотрения культурного капитала как сигнала в интеракции без непосредственного указания на классовую схему (Benzecry and Collins 2014; DiMaggio 1987; Lizardo 2016).

² Под схемой классификации искусства понимается способ, посредством которого потребители дифференцируют произведения искусства, когда говорят о своих культурных предпочтениях и оценивают предпочтения окружающих. Мы здесь следуем определению художественной системы классификации, которое дает Димаджио (DiMaggio 1987:441). Однако Димаджио включал в определение не только мнение потребителей, но и дифференциацию объектов, создаваемую производителями. Нас в этой работе интересует первое, но не второе.

из измерений выделяет «универсальность», критерий, показывающий, насколько разные группы сходятся в понимании существующих способов дифференциации искусства. Например, можем ли мы сказать, что для представителей всех групп посещение оперы будет свидетельством «хорошего» вкуса, а чтение книг Дарьи Донцовой – «плохого»? Анализируя здесь культурный капитал как сигнал в интеракции, мы можем выделить в существующих исследованиях по культурному потреблению несколько сценариев работы таких сигналов.

В первом случае мы подразумеваем, что система классификации искусства едина, однако одни группы имеют соответствующий навык обращения с этой системой, а другие – нет. Бурдьё (Bourdieu 1993) пишет о том, что взаимодействие индивида с объектом искусства строится как процесс дешифровки кодов. Индивид, инвестировавший в свое образование (что для семей высшего класса является частью социализации), обладает необходимым инструментарием для того, чтобы, например, распознавать отличия между Моне и Мане. Представители других классов, чья социализация, в том числе и из-за недостатка экономического капитала, строится иначе, не обладают необходимыми знаниями. Таким образом, различия в объеме культурного капитала подчеркивают различия в социальных позициях, а эстетический опыт представителей элиты воспринимается как что-то исключительное. Когда Ирвинг Гоффман (Goffman 1951) говорит о символах классового статуса, мы можем увидеть схожий процесс создания различий. Согласно Гоффману, в каждый символ встроен механизм защиты от мошеннического использования, и это объясняет, почему именно данные символы были выбраны. Например, ограничения самосовершенствования предполагают, что только те, кто способен поддерживать определенный уровень жизни, будут иметь возможность культивировать в себе какой-нибудь бесполезный на рынке труда навык. Описанные Гоффманом механизмы защиты, а также процесс циркуляции символов опять же предполагают, что представители разных социальных групп разделяют общие концептуальные схемы восприятия знаков отличия. Из более современных работ, продолжающих эту традицию, можно упомянуть исследование потребления популярной культуры в случае такого жанра, как сальса (Bachmayer, Wilterdink, and van Venrooij 2014). Результаты этого исследования показывают, что потребители разделяют художественные и популярные стили внутри указанного жанра и что создаваемая иерархия соответствует дифференциации социальных классов. Авторы подчеркивают, что их интервью демонстрируют консенсус в определении иерархии вкусов (Bachmayer et al. 2014:79).

Однако мы должны также рассмотреть сценарии, предполагающие отсутствие консенсуса. В качестве примера, демонстрирующего различное наполнение категорий «хороший вкус» и «плохой вкус», можно рассмотреть результаты исследования Яна Вудворда и Майкла Эммисона (Woodward and Emmison 2001). В этой работе анализировались результаты опроса, проведенного в Австралии: респондентам предлагали ответить на открытый вопрос о том, что такое «хороший» и «плохой» вкус. Проанализировав ответы, авторы показали, что существующие различия объясняются такими факторами, как образование, гендер и возраст: с повышением уровня образования растет доля тех, кто использует абстрактные концепты;

женщины более склонны указывать конкретную сферу, в которой может проявляться вкус (например, выбор одежды); чем старше респонденты, тем более вероятно определения «хорошего» и «плохого» вкуса будут даны с отсылками к существующим нормам. Результаты этого исследования показывают, что индивиды могут наделять категории «хорошего» и «плохого» вкуса разными значениями. Здесь уместно также обратиться к работе Кайлы Томас (Thomas 2022), которая пыталась показать, как на первое впечатление об индивиде влияет информация о его/ее культурных предпочтениях. Участники эксперимента должны были оценить несколько онлайн-профилей, включавших информацию о предпочтениях в области музыки, спорта и еды. Оценка включала шкалы восприятия различных качеств потенциальных владельцев профилей, а также вопрос о том, к какому социальному классу участник эксперимента мог бы отнести владельца профиля. Результаты этого исследования говорят, что сигналы предпочтений в области высокой культуры будут способствовать созданию позитивного впечатления, в том числе это значит, что чем больше таких сигналов видит участник эксперимента, тем выше оценивает позицию владельца профиля в социальном пространстве. По поводу консенсуса в оценке сигналов Томас указывает, что наблюдаемый эффект сильнее в том случае, когда участниками эксперимента были женщины из высшего класса (наблюдаемый феномен касается только сферы музыкальных предпочтений). Это обстоятельство отчасти подтверждает гипотезу автора о том, как социальная позиция опосредует восприятие сигналов.

Второй сценарий – это одновременное сосуществование нескольких систем классификации искусства, используемых разными группами. В качестве примера можно привести результаты исследований субкультур, выполненных в традиции Бирмингемской школы. Потребление популярной культуры рассматривалось здесь как борьба групп с господствующей идеологией (Lizardo and Skiles 2008:495). В этом случае мы видим, что одновременно существует несколько значений, приписываемых одним и тем же культурным объектам. В качестве еще одного примера может быть рассмотрено исследование иерархического и эгалитарного репертуаров, проявляющихся в суждениях вкуса (Van den Haak and Wilterdink 2019). Авторы показывают, что одновременно со стремлением дифференцировать культурные объекты может наблюдаться стремление к отрицанию существующих иерархий (вроде высокого и низкого искусства). При этом авторы отмечают, что лишь треть их информантов тяготела только к одному из репертуаров, в интервью с остальными наблюдалось перемещение между этими концептуальными схемами.

Третий сценарий – это рассмотрение потребления как практического чувства, но не стратегического действия. Омар Лизардо и Сара Скайлс (Lizardo and Skiles 2012:277), определяя всеядность как разновидность эстетической диспозиции в терминах Бурдьё, говорят о том, что индивиды выражают свои культурные предпочтения без намеренной стратегии по получению социальных привилегий, однако дискурс открытости к разным культурным практикам, выражения всеядности остается важным механизмом, создающим групповые границы.

Наконец, четвертый сценарий – ситуация, в которой одна из групп использует существующую систему классификации искусства для создания сигналов группо-

вой идентичности, однако другие группы, также вовлеченные в потребление тех же объектов искусства, не знают о существовании сигналов³.

В настоящей работе мы пытаемся понять, какой из названных сценариев лучше описывает потребительские практики жителей Санкт-Петербурга. Мы предполагаем, что, обратившись к исследованию систем классификаций, сможем расширить наше понимание функционирования культурного капитала как коммуникативного ресурса и в то же время лучше понять стратификационную систему в России, так как создаваемые различия между объектами искусства указывают на различия между социальными группами.

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

Продумывая механизм отбора случаев, мы решили, что нам требуется сравнить две группы информантов с разными досуговыми практиками, поскольку исследование включает вопрос о консенсусе относительно используемых сигналов. Из уже проведенных на российском материале исследований мы знаем, что одни из главных переменных, структурирующих досуг, — это образование и возраст (Илле и Соколов 2018; Корсунова 2017; Соколов 2019): молодые когорты более активно включены в потребление, факт наличия высшего образования увеличивает шансы быть включенным в потребление высокой культуры.

Мы решили, что отправной точкой при сравнении будут группы информантов с высшим и средним специальным (или средним общим) образованием. При этом здесь ни в коем случае не утверждается зависимость досуговых практик от полученного образования. Образование выступает как критерий, который позволяет найти отличающиеся по интересам группы. Мы решили включить в исследование тех, чьи школьные годы пришлись на период после распада Советского Союза, так как полагали, что именно в это время появились новые возможности для проведения досуга и что это обстоятельство могло отразиться на досуговых практиках наших информантов. Для нас было важно учесть наличие возможностей для информантов с детства знакомиться с произведениями искусства, поэтому мы включили в исследование только тех, кто родился в Санкт-Петербурге (или же родился в другом городе, но школьные годы провел здесь), так как в этом городе существует большое количество музеев и других культурных институций. В итоге мы отбирали случаи, руководствуясь следующими принципами: родился в Санкт-Петербурге, образование высшее или среднее специальное (или среднее общее), возраст 30–40 лет на момент исследования. Нами было собрано 14 интервью с информантами с высшим образованием и 14 интервью с информантами со средним специальным и средним общим образованием (за вознаграждение) в период с мая по ноябрь 2021 года. Интервью длились от 55 минут до двух часов.

Использованный нами дизайн исследования в некоторой степени повторяет предложенный в работе Люка Болтански и Лорана Тевено (Boltanski and Thévenot 1983). Чтобы посмотреть, как индивиды будут идентифицировать границы соци-

³ Автор выражает признательность анонимному рецензенту журнала «Laboratoium» за указания на ряд рассматриваемых в этом разделе работ по теме статьи.

альных групп в сравнении с существующей официально номенклатурой, Болтански и Тевено разработали несколько упражнений с карточками, которые участники исследования должны были разложить, руководствуясь собственным «чувством социального» (Boltanski and Thévenot 1983:632).

Мы планировали две части интервью: (1) часть с вопросами о досуге информанта и (2) задание с двумя типами карточек. Чтобы получить более подробную информацию о мнениях информантов относительно разных культурных объектов, к гайду интервью были добавлены списки с фильмами и сериалами, а также список авторов литературных произведений. Списки составлялись по следующему принципу: мы хотели предложить информантам как легитимные (в классификации Бурдьё) объекты потребления, то есть одобренные экспертами в поле производства, так и нелегитимные. Один из способов это устроить – посмотреть на разные атрибуты признания, такие как премии (например, писатели Гузель Яхина и Евгений Водолазкин были включены в список, так как стали лауреатами премий «Большая книга» и «Ясная Поляна») и факт включения в официальные образовательные стандарты (Достоевский, Брэдбери и Ремарк, включенные в наш список, входят в школьную программу по литературе). Отбирая фильмы и сериалы, мы тоже смотрели на победы в профессиональных конкурсах, например, фильм «Паразиты» был включен в список, так как получил премию «Оскар», фильмы «Аватар» и «Леди Бёрд» получили «Золотой глобус», фильм «Остров» – премию «Ника», а сериал «Игра престолов» – «Эмми». Нам важно было включить в списки популярные произведения и имена, ведь сравнение возможно тогда, когда информанты знакомы со всеми или с большинством представленных пунктов. Для этого мы отобрали фильмы с высокими сборами в России, а также добавили в список российские сериалы, которые уже несколько лет продолжают выходить на ТВ⁴. Составляя список авторов литературных произведений, мы опирались на статистические данные Российской книжной палаты. В итоге из 11 авторов восемь хотя бы единожды входили в топ-20 за последние 2,5 года. Итоговый список авторов включает следующие имена: Дарья Донцова, Рэй Брэдбери, Стивен Кинг, Федор Достоевский, Пауло Коэльо, Эрих Мария Ремарк, Борис Акунин, Александр Бушков, Гузель Яхина, Даниэла Стил, Евгений Водолазкин. В список фильмов и сериалов вошли «Аватар», «Движение вверх», «Леди Бёрд», «Пятьдесят оттенков серого»,

⁴ В одном из недавно опубликованных исследований (Соколов 2019) на данных, собранных в Санкт-Петербурге, было показано, что выборка условно разделяется на группы в зависимости от активности досуга (посещают ли театр, кинотеатр, музей, читают ли художественную литературу и т. д.). Опираясь на результаты множественного анализа корреспонденций, автор показывает, что активный досуг, сочетающийся в себе комбинирование нескольких досуговых практик, исключает просмотр телевизора, тогда как противоположный ему пассивный досуг – включает. Далее автор показывает, что положение индивида на шкале активности/пассивности связано с возрастом, образованием и доходом. Так как мы искали группы с различными культурными практиками, нам показалось важным включить в исследование вопрос об отношении к просмотру ТВ и к развлекательным продуктам, предлагаемым российским телевидением. Приведенные в разделе с описанием результатов цитаты показывают, что отношение к российским сериалам действительно является важным маркером, посредством которого индивиды оценивают вкусовые предпочтения друг друга.

«Остров», «Паразиты», «Игра престолов», «Бригада», «Давай поженимся!» (телевизионное шоу), «След», «СашаТаня»⁵.

Во время первой части интервью после открытых вопросов о досуге интервьюер предлагал информанту охарактеризовать объекты из списка фильмов/сериалов и списка авторов, а затем представить себя на месте кино- или литературного критика и составить рейтинг из предложенных объектов. Таким образом мы хотели побудить информантов к рефлексии по поводу их представлений о «качестве» различных объектов. Если информант говорил, что какой-то из объектов ему не известен, в составлении рейтинга карточка с данным объектом не участвовала. Рейтинг должен был дать нам информацию о том, как информанты дифференцируют объекты, используют ли они при этом одну и ту же или различные системы классификации.

Во второй части интервью мы хотели узнать, как информанты связывают актуальную для них систему классификации искусства с досугом различных групп. С этой целью мы разработали еще один набор карточек с названиями профессий. Информантам предлагалось объединить профессии в группы по принципу общности способов проводить свободное время (по мнению информанта), а затем описать использованную логику объединения групп. Далее интервьюер просил информанта сопоставить, в каком из культурных объектов, перечисленных на карточках, по его/ее мнению, может быть заинтересована определенная группа.

Наше задание дублирует логику упражнений, описанных Болтански и Тевено (Boltanski and Thevenot 1983). Они предлагали участникам исследования карточки с разным типом информации, однако мы решили, что ограничимся только информацией о профессии. Мы посчитали, что представленные данные позволят информантам сделать выводы об образе жизни представителей разных групп по следующим причинам. (1) Результаты третьего упражнения Болтански и Тевено (игровой ситуации) показывают, что участники могут сделать выводы о профессиональной принадлежности неизвестного на основании информации о ее/его досуге, то есть категоризация индивидов предполагает связь между профессиональной принадлежностью и досугом. (2) Мы руководствовались логикой исследований в традиции Уорнера, где используются ассоциативные меры, чтобы определить социальные классы, так как индивиды со схожими стилями жизни притягиваются (Laumann and Guttman 1966). Мы опасались, что дополнительная информация приведет к увеличению числа карточек и усложнению процедуры для информантов. С учетом разнообразия профессиональных групп у нас получилось 49 карточек. Добавление информации о возрасте или гендере потребовало бы удвоить или даже утроить количество карточек, так как мы должны были включить такие карточки, как, например, «женщина, курьер» и «мужчина, курьер» или «женщина, курьер, 20 лет», «мужчина, курьер, 30 лет».

Мы отбирали профессии для карточек, руководствуясь несколькими принципами. Во-первых, нам было важно, чтобы в итоговом списке профессий присутствовали виды деятельности, предполагающие разный уровень специализации и навыка, требуемого для выполнения работы. С целью отобрать профессии по этой

⁵ Критерии отбора и списки авторов и фильмов/сериалов представлены в приложениях 2 и 3.

логике мы использовали классификационную схему ISCO-08 (ILO 2012), исключив военных, руководителей и работников сельского хозяйства. Во-вторых, нам было важно использовать для карточек названия профессий, знакомые большинству, поэтому мы проверили выбранные названия по сайту для поиска вакансий и сотрудников HeadHunter⁶, заменив устаревшие названия на используемые в данный момент (например, сапожника на мастера по ремонту обуви). Итоговый список из 49 профессий включал следующие позиции: горничная, курьер, грузчик, дворник, разнорабочий, водитель автобуса, машинист крана, токарь, машинист буровой установки, швея, маляр-штукатур, электромонтажник, слесарь-сантехник, столяр-плотник, ювелир, мастер по ремонту обуви, охранник, официант, проводник пассажирского вагона, парикмахер, продавец-консультант, няня, пожарный, полицейский, повар-пекарь, почтальон, бухгалтер, товаровед, консультант в банке, секретарь, полетный диспетчер, фитнес-тренер, тестировщик программного обеспечения (ПО), химик-лаборант, медицинская сестра, видеооператор, юрист, учитель начальных классов, кредитный аналитик, врач-хирург, режиссер, инженер-геолог, программист, журналист, воспитатель детского сада, врач-терапевт, учитель биологии, доцент кафедры высшей математики, художник-иллюстратор.

Применение карточек в качестве стимульного материала с последующим анализом по методу многомерного шкалирования является довольно частым методологическим решением при изучении смысловых структур (Mohr 1998). Многомерное шкалирование позволяет представить структуры смыслов в качестве двумерного пространства, где расстояние между объектами укажет на их близость. Соответственно, в данном исследовании многомерное шкалирование применялось для того, чтобы обобщить группировки профессий на основании представляемой информантами общности досуга.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Вопрос о применимости одного из четырех сценариев ставит перед нами две задачи: (1) понять, по каким принципам и как наши информанты конструируют иерархию культурных объектов, и (2) выяснить, с какими группами у них ассоциируется потребление выбранных объектов. Здесь неизбежно обращение к тому исследовательскому направлению, которое возникло благодаря работам Бурдые. Наша первая задача позволит далее понять, какие объекты (например, фильмы) будут выглядеть наиболее желанными в глазах индивида. Точнее даже — в глазах стороннего наблюдателя, которого представляет индивид, когда оценивает свой досуг. Наиболее желанные объекты несут символические выгоды, так как индивид предполагает, что потенциальный наблюдатель разделяет ее или его точку зрения на место выбранного объекта относительно других. Можно описать эту демонстративную функцию потребления через понятие нормы. Исходя из этой логики, мы можем ожидать, что для группы, разделяющей схожие взгляды, определенный набор объектов и практик потребления будет ассоциироваться с «хорошим» и

⁶ Официальный адрес сайта HeadHunter <https://hh.ru>.

«плохим» вкусом, что скажется на высказываемых предпочтениях. Процесс выстраивания границ, о котором мы говорили выше, предполагает, что индивид оценивает культурные объекты неодинаково, отдавая предпочтение определенным книгам или фильмам и дистанцируясь от других, одновременно создавая дистанцию с теми, кто замечен в потреблении нелегитимного (в терминах Бурдьё) объекта. Таким образом, результаты рейтингования авторов книг и фильмов/сериалов позволят нам увидеть, одинаково ли оценивают наши информанты эти объекты и какими категориями они пользуются, то есть на чем основаны создаваемые ими рейтинги. Анализируя раскладывание карточек с профессиями, мы сможем выполнить вторую задачу.

РЕЙТИНГОВАНИЕ АВТОРОВ И ФИЛЬМОВ: СЛОЖНОЕ/ВАЖНОЕ И ЛЕГКОЕ/РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЕ

Процедура рейтингования авторов книг и фильмов/сериалов схожа для обеих групп, которые мы рассматривали. В большинстве случаев Достоевский был поставлен на первую или вторую позицию в рейтинге⁷, Ремарк – на первую – третью позиции. Дарья Донцова во всех случаях, кроме одного, занимала в рейтинге последнюю позицию. При этом информанты из обеих групп отмечали, что для них организующим принципом в составлении рейтинга является представление о сложности/легкости книг автора⁸. Сложная литература – та, что несет важные мысли, дает возможность подумать и/или признана как классика, то есть, по мнению информантов, проверена временем (все еще актуальна) и одобрена большинством; простая литература – та, которую легко читать, которая, в сравнении со сложной, не несет важного сообщения. Использовались следующие эпитеты: сложная – серьезная, глубокая, интеллектуальная; легкая – поверхностная, пустая, примитивная, шаблонная, дешевая, коммерческая, мусорная.

Зависит от серьезного подхода автора к своим книгам, мыслям. Одно дело – писать детектив про обыденную жизнь: кто что украл; другое дело – какие-то глубокие мысли ты впечатываешь буквами в свои книги. У нее поверхностно как-то, у Достоевского посерьезней. Может, по-другому к произведениям своим относился. Жизни учит. Донцова – это развлечение. Достоевский – это повод задуматься (Елена⁹, среднее специальное образование).

Бульварные в моем понимании рассказы, то есть романы. То есть у них такая, условно, у них есть определенная обложка: женщина с пистолетом, роза или целующаяся пара. Ну, как бы условно, есть классика, а есть такое вот как бы бульварное чтиво. Есть «мерседес», а есть «девятка». И в моем понимании, что Дарья Донцова – она вот эти бульварные романы (Роман, высшее образование).

⁷ Информанты могли поставить на одну позицию в рейтинге несколько авторов, если им казалось это релевантным.

⁸ Следует воспринимать скорее как шкалу, а не бинарное деление.

⁹ Все личные имена заменены, список процитированных интервью с указанием социально-демографических характеристик дан в приложении 1.

Однако при схожих принципах дифференциации объектов информанты по-разному взаимодействуют с системой классификации литературы и выделяют разные критерии, которые кажутся им важными¹⁰. Например, информанты с высшим образованием упоминали, что им кажется интересным находить в книгах пересечение с философскими и психологическими идеями, отсылки к другим произведениям. Более того, информанты с высшим образованием активно используют знание литературной системы классификации для самопрезентации, тогда как для информантов со средним специальным образованием это не имеет столь большого значения.

Выше мы уже упоминали, что использование единого набора культурных объектов как сигналов групповой принадлежности может принять характер нормы, регулирующей поведение. То есть индивиды будут ожидать, что выбор объектов, по отношению к которым в ее/его среде принято выстраивать дистанцию, повлечет за собой репутационные потери. И наоборот: выбор одобренных авторов или фильмов несет символические выгоды. Например, информанты с высшим образованием предполагали ожидание того, что образованный человек знаком с произведениями классической литературы, а произведений, которые относят к «легкому чтиву», будет избегать или обращаться к ним лишь для развлечения, но не для того, чтобы получить эстетическое удовольствие. Не обязательно любить Достоевского и Ремарка, но они будут опознаны как великие авторы, с которыми информант уже ознакомился за время своей читательской биографии.

В качестве примера осознания внешнего принуждения может быть рассмотрено интервью с Ольгой (38 лет, высшее образование). Во время обсуждения авторов, представленных на карточках, Ольга вначале приписала авторство романа «Сто лет одиночества» Ремарку; через несколько минут изменила свое мнение и сказала, что ошиблась, так как автор этой книги Маркес. Затем в ходе интервью она еще несколько раз возвращалась к этому обсуждению, отмечая, что ей очень неловко за допущенную ошибку.

Что касается информантов со средним специальным образованием, здесь, прежде всего, нужно отметить, что почти половина этой группы высказала отсутствие интереса к чтению художественной литературы как досугу. Наиболее читающими в этой группе являются женщины, чей основной выбор – фантастика или фэнтези. В качестве достоинств жанра информантки называли сказочный или юмористический характер произведений, который позволяет отвлечься от повседневной жизни, развлечься (ниже этот критерий рассматривается на примере интервью с Еленой). В некоторых случаях информантки прямо говорили, что избегают книг, которые описывают страдания или насилие. Еще одним качеством этой литературы, фигурирующим в их нарративах, является «жизненность» – отражение опыта людей, близкое тому, как информантки видят реальность; к этому же критерию можно отнести идею о том, что книги могут научить чему-то посредст-

¹⁰ И в случае описания списка авторов, и в случае списка фильмов/сериалов мы не утверждаем, что мнения информантов со средним специальным образованием и мнения информантов с высшим образованием образуют непересекающиеся множества. Мы, скорее, обобщаем основной паттерн, прослеживаемый в нарративах.

вом передачи чужого опыта. Что касается мужчин в этой группе, то большинство выразили отсутствие интереса к чтению художественной литературы, читающие упомянули классические произведения, фэнтези или биографии.

Елена: Я предпочитаю..., вообще я люблю сказки. Мне больше по нраву Пушкин. Очень нравится. Более серьезное я не особо воспринимаю. Так как мне нравится фантастика, я даже в русских поэтах, писателях пытаюсь найти. Фантастика, романтика.

Интервьюер: Более серьезное – что имеете в виду?

Елена: Допустим, что неинтересно читать. «Дядя Ваня», «Вишневый сад». В этом плане.

Интервьюер: Какой компонент делает ее более серьезной?

Елена: Там опять же идет обыденная жизнь, приехал ревизор и там идет вот какая-то серьезность, разбирание жизненное: кто чего украл, кто чего сделал.

Интервьюер: Фантастика не может быть серьезной?

Елена: Фантастика – несерьезное даже по названию.

Для группы с высшим образованием произведения, попадающие в категорию «легкого чтения»¹¹, становятся литературой, от которой читатель намеренно отказывается, а если и выбирает их, то лишь как дополнение к основному «блюду» – серьезной, глубокой литературе. В то же время информанты со средним образованием не видят репутационных потерь в выборе «легких и шаблонных» произведений.

В нашем с информантами обсуждении кинематографа любопытно, что первые и последние позиции схожи в рейтинге, составленном информантами как с высшим, так и со средним образованием. Первую позицию делят между собой «Игра престолов», «Аватар» и «Остров». Последние позиции занимают «Давай поженимся» и «Пятьдесят оттенков серого»¹². Сериалы «След» и «СашаТаня» находятся ближе к концу рейтинга – до или после «Пятидесяти оттенков серого» и «Давай поженимся». Важно, что мы просили информантов составлять единый рейтинг из фильмов и сериалов (список включал также одно телевизионное шоу – «Давай поженимся»). Если информант изначально говорил о своем предубеждении к просмотру сериалов или телевизионных шоу, эти карточки шли в конец рейтинга. Сравнивая составление рейтинга авторов литературных произведений и кинорейтинга, можно увидеть, как проявляется влияние экспертного сообщества. В литературном рейтинге авторы-классики занимали первые строчки, хотя многие информанты говорили, что лично им произведения этих авторов неинтересны. Вероятно, здесь мы имеем дело со следствием общего школьного образования, в котором классической литературе отводится основная роль. Говоря о кинорейтинге, информанты отмечали, что он довольно субъективен: отражает их собственные предпочтения, то, что произвело большее впечатление. При этом все ин-

¹¹ Здесь не имеются в виду произведения определенного жанра. Речь идет о том, что определенных авторов или произведения информанты помещают в категорию «легкое чтение».

¹² Как и в случае с книгами, встречаются исключения. Здесь приводится обобщение по двум группам информантов.

форманты отметили такие общие принципы, как мастерство актеров, сюжет, уровень постановки фильма или сериала; в качестве недостатков – нарушение логики, «тупой юмор» и наигранный сюжет.

Что касается отличий, то в нарративах группы с высшим образованием несколько раз повторяется идея о делении на сложное, глубокое, насыщенное смыслом кино, которое нельзя смотреть фоном, и более развлекательное (дублирует логику описания литературы). В некоторых нарративах, как и в случае с книгами, появляется идея многослойности, отсылок, которые можно разгадывать при просмотре. Фильм «Пятьдесят оттенков серого», телевизионные шоу вроде «Давай поженимся», сериалы «СашаТаня», «След» – этих объектов представители данной группы будут стараться избегать или же выберут их для «ироничного» потребления как образец трэш-культуры. Еще один вариант – это просмотр при посещении старших родственников, когда телевизор выступает в качестве фона для разговора. В качестве иллюстрации идеи многослойности можно обратиться к фрагменту интервью с Екатериной (36 лет, высшее образование):

Психологичные фильмы, чтобы в них было несколько слоев. Как и в книгах, наверное. Чтобы он был не просто историей, а чтобы в нем были разные слои спрятаны. Или не спрятаны. Я могу не обо всех догадаться, но мне это интересно. То есть это хорошее кино и с точки зрения картинки, выстраивания сюжета. Гринуэя я уже привела в пример как такого полуинтеллектуального фильма. «Повар, вор, его жена и ее любовник» – вот он такой многослойный: с одной стороны, интеллектуальная драма, с другой стороны – голландская живопись и драма эпохи XVII века. Там все намешано, политические аллюзии на Тэтчер, я уже не знаю, читала, по крайней мере, что они там есть.

Для информантов со средним образованием в случае с фильмами и сериалами наиболее заметным критерием будет деление на мужские и женские фильмы и сериалы¹³. То, что ассоциируется с мужским досугом, – криминал, ужасы, боевики, с женским – романтика, отношения. Это прослеживается не только в случаях, когда информанты говорят о досуге других людей, но и тогда, когда объясняют собственный выбор. Если представители группы с высшим образованием избегают сериалов и шоу по ТВ¹⁴, то представители группы со средним образованием довольно часто упоминают, что просмотр ТВ является частью их досуга. Сериалы «СашаТаня» и «След» в большинстве случаев не вызывают негативной реакции или отторжения (как в группе с высшим образованием), информанты отмечают, что смотрели их раньше, могут иной раз посмотреть сейчас. При этом представи-

¹³ При обсуждении чтения рассуждения о «женских» и «мужских» авторах тоже возникали, но лишь в нескольких случаях, для фильмов и сериалов эти характеристики используются чаще.

¹⁴ Интересно проследить, где и при каких обстоятельствах, по рассказам информантов, они сталкивались с этими произведениями: например, смотрели фильм (сериал/шоу) в гостях у родителей или в маникюрном салоне во время процедуры. Больше половины информантов с высшим образованием отметили, что мало знакомы с указанными на карточках российскими сериалами («След», «СашаТаня»), поэтому не могут определить их место в рейтинге. В группе со средним образованием 12 информантов включили в свой рейтинг хотя бы одну из этих карточек.

тели указанной группы (включая тех, кто назвал просмотр сериалов «СашаТаня» и «След» возможным способом проведения досуга) помещали эти сериалы в конец рейтинга. Все мужчины и почти все (за исключением двух человек) женщины в указанной группе¹⁵ либо на основании собственного мнения, сложившегося после просмотра, либо на основании отзывов назвали фильм «Пятьдесят оттенков серого» неинтересным. Мужчины говорили, что этот фильм ассоциируется с женской аудиторией, драмой, межличностными отношениями; женщины – о том, что не заинтересованы в фильме, сценарий которого не соответствует литературному источнику; в фильме, где, по их мнению, показана пошлость.

Нельзя сказать, что критерии оценки у представителей двух групп не пересекаются вовсе. Информанты со средним образованием также упоминали, что делят кино и сериалы на такие, которые несут некий смысл, и более развлекательные, однако это не такой распространенный критерий, как деление на «мужское» и «женское» кино. Женщины со средним образованием, как и в случае обсуждения чтения, высказывали схожие идеи по поводу того, что они ищут в фильмах и сериалах, – компоненты фантастического, легкого, комедийного, романтического, доброго. Среди жанров, которые предпочитают мужчины этой группы, – триллер, комедия, фантастика.

При обращении к анализу нарративов этой группы интересно обсудить критерий достоверности, о котором говорили информанты, деление на вымысел и реальность. Говоря о литературных классификациях, мы уже упоминали критерий «жизненности», отсылающий к опыту. В обсуждении фильмов и сериалов этот критерий также упоминается: так, информантки в качестве достоинств произведения упоминают достоверное изображение реальной жизни (например, в сериале «СашаТаня»).

Интересно сравнить, насколько важным представляется этот критерий участникам двух разных групп и насколько он может повлиять на их восприятие художественного произведения. Рассмотрим фрагмент интервью с Елизаветой (39 лет, среднее специальное образование), в котором мы обсуждаем сериал «Зеленые просторы», и с Михаилом (32 года, высшее образование) – о сериале «Во все тяжкие». Елизавета ждет от сериала достоверного отражения проблем, с которыми люди сталкиваются в реальной жизни, соответственно, произведения, не удовлетворяющие этому критерию, не привлекают ее внимание. Михаил тоже выражает сомнение в достоверности изображаемого, но при этом он выделяет и другие критерии, соответствие которым в итоге составляет позитивное впечатление от сериала как произведения искусства.

Елизавета: Такая чушь несусветная [...] Городские жители, мужчина работал в Нью-Йорке, хорошая должность была. И жена такая вся, как у нас сейчас называют наших девочек, которые дома сидят за богатыми «папеньками». И он решил уехать, бросить все в Нью-Йорке и купил ферму. И там уже такая, в жизни они не видели, городские жители, в жизни не видели, не знают, что

¹⁵ Одна информантка отметила, что ей очень понравился фильм, еще одна говорила о том, что слышала положительные отзывы.

такое деревня, не знают вообще, как там что. Из этого складывается все, они стали..., он стал фермером, и она, которая в жизни не умела ничего готовить, и вот высасывают юмор из того, что она ничего не умеет и он ничего не знает. Короче, дурацкий сериал.

Интервьюер: Это не показалось вам близким к жизни, да?

Елизавета: Нет. Нет, потому что, я думаю, если взять наших, я просто знаю многих людей, кто уезжает из города в деревню, я просто знаю, что наш человек, наш, русский. Я знаю, что и молодые сейчас уезжают семьями. Он не поедет никуда, не зная ничего.

Михаил: Противоречивое отношение с этим сериалом. Там есть очень прикольные штуки. Мне нравится Брайан Крэнстон, мне нравится Арон Пол, вот вообще все играют очень хорошо, но для меня он не очень работает, потому что там все построено на какой-то психологической натяжке. Ну, потому что мне кажется, что на самом деле школьный учитель, столкнувшийся с реальным криминальным миром, он бы свалил довольно быстро, немножко не хватило правдоподобия. Но там есть прикольные штучки. Мне нравится эта криминальная эстетика, южные штаты, там тоже какая-то пустыня, там чуть ли не Алабама, Аризона. Я люблю эту американскую эстетику, ну и они держат, да. Там какой-то нормальный баланс психологического напряжения, он не изматывает.

Обобщая полученные рейтинги фильмов/сериалов и книг, мы делаем вывод о сходстве систем классификации искусства. Мы могли бы говорить о различных системах классификации, если бы представители этих групп ставили разные объемы на первые и последние места. Например, если преобладающим решением было бы поставить Дарью Донцову на позицию, более высокую, чем Федора Достоевского, или шоу «Давай поженимся» выше фильма «Аватар».

ДОСУГ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ, ЖЕНСКИЙ, МУЖСКОЙ, МОЛОДЕЖНЫЙ

Теперь, когда мы описали основные для наших информантов принципы классификации объектов культуры, можем перейти к рассмотрению вопроса о том, с какими социальными группами ассоциируются данные объекты. Многомерное шкалирование было использовано для анализа раскладывания карточек с профессиями, чтобы отобразить видение социального пространства. Информанту нужно было сгруппировать карточки на основании общих способов проводить свободное время. Это должно было позволить нам понять, как использование культурных объектов в качестве сигналов воплощается в границах между группами. Следует сразу отметить, что результаты многомерного шкалирования по раскладыванию карточек группой со средним образованием не будут здесь представлены, так как показатель stress (более подробно про показатель stress см. сноску 16) говорит о том, что два измерения плохо отображают вариацию в группировках. Ниже мы обсудим, какие принципы выделили информанты со средним образованием, но сначала рассмотрим, как выглядят результаты многомерного шкалирования для группы с высшим образованием (рис. 1).

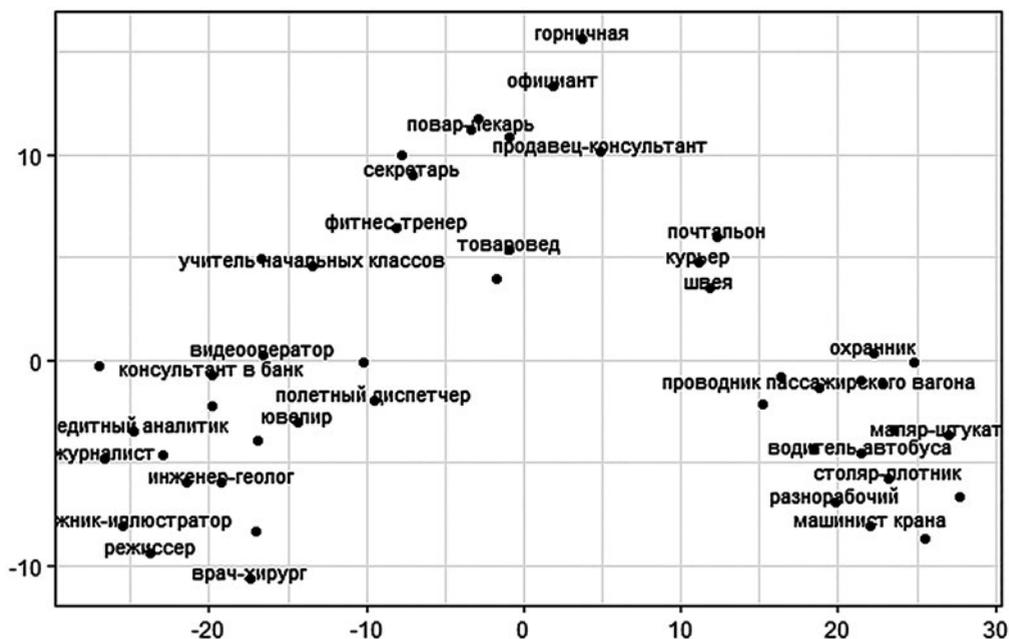

Рис. 1. Результаты многомерного шкалирования группировки карточек информантами с высшим образованием¹⁶

Горизонтальное измерение отсылает к тому, как информанты видят разделение между высшим и средним специальным / средним общим образованием. Это являлось основополагающим критерием при разделении на группы. Информанты также проводили деление внутри группы с высшим образованием, например, на «творческие» профессии вроде режиссера, видеооператора, журналиста, и остальные, не имеющие отношения к культурной жизни, однако, как мы видим по итоговому анализу, это разделение не настолько важно, как показатель «наличие/отсутствие высшего образования». В некоторых случаях профессии, попавшие в среднюю группу, относили либо к группе с высшим образованием, либо к группе без высшего. В том числе несколько информантов отметили, что некоторые профессии (например, курьер, официант, продавец-консультант, няня, горничная) ассоциируются у них либо с временной занятостью, либо с молодыми людьми, ко-

¹⁶ Многомерное шкалирование позволяет отобразить идею близости/удаленности объектов в евклидовом пространстве. В случае наших карточек с профессиями ближе будут располагаться те профессии, карточки с которыми наибольшее число раз были помещены в одну группу, так как метод многомерного шкалирования основан на подсчете дистанций между объектами. Для удобства отображения была выбрана опция, скрывающая часть лейблов, перекрывающих друг друга. Измеренный в процентах показатель stress равен 5,95%. Показатель stress позволяет нам понять, насколько хорошо два измерения описывают вариативность группировок, – чем ниже это значение, тем лучше полученный результат. Так, уровень stress, равный 0%, означает идеальное соответствие между матрицей, используемой исследователем, и итоговым отображением дистанций.

которые совмещают эти занятия с учебной, поэтому досуг этой группы будет отличаться от прочих. Вертикальное измерение появляется здесь за счет того, что часть информантов проводила различие между мужскими и женскими занятиями в группе профессий со средним специальным или средним общим образованием, что, соответственно, выражалось в представлениях об организации досуга.

Представленные ниже цитаты должны проиллюстрировать идею деления на «более интеллектуальный» и «менее интеллектуальный» досуг, который ассоциируется у информантов с представителями определенных профессий. Мы видим отображение системы классификации, которую информанты применяли для дифференциации культурных объектов, – деление на более «сложные» и «простые» виды досуга. Например, с представленной на рисунке 1 слева группой ассоциируются такие виды досуга, как посещение музея, оперы, театра, просмотр архаического кино, путешествия. С группой, представленной на рисунке 1 справа, ассоциируется просмотр ТВ-программ, посещение спортивных мероприятий. Интервьюер также просил информантов в момент раскладывания карточек с профессиями описать, есть ли у них ассоциация между профессиональными группами и обсуждаемыми в интервью ранее списками фильмов/сериалов и книг. В этом случае те фильмы и книги, которые относили к более «сложным», ассоциировались с «более интеллектуальными» группами, более «простые» – с «менее интеллектуальными». «Более интеллектуальные» – это не только то, что ассоциируется с какой-то сложной душевной организацией. Информанты в некоторых случаях также упоминали разный уровень дохода, который им кажется важным учитывать при рассмотрении досуга разных групп, и условия работы. Так, высказывалось мнение, что у специалистов с тяжелыми условиями труда после работы не будет сил на сложную организацию досуга.

У меня такая мысль, что люди более тонкой организации... Посредством образования, профессии, не знаю, чего, – они больше чувствуют, понимают. И из-за того, что кругозор более широкий, то и понимание, интересы, чтение, просмотр фильмов совершенно направлены на какие-то другие вещи, более сложно организованы (Ольга, высшее образование).

Точно могу предположить, что то, что входит в конец моего списка, что я считаю неинтеллектуальным и неинтересным, нашей самой большой группе. Я не знаю, можно ли назвать этих людей быдлом, но вот так, наверное. Это люди, которые будут смотреть «Давай поженимся», «СашуТаню», «Пятьдесят оттенков серого» и ладно уж – «Бригаду». По критерию «Бригады» отнесем себя к быдлу¹⁷. Сюда же идет, соответственно, Бушков, Донцова, Козьмо, и ладно уж – Борис Акунин, о'кей. Скажем честно: остальное – для всех остальных. Глобально я понимаю, что я делю людей на условного быдла и условного небыдла. Не знаю, насколько это корректно, скорее всего – нет. То, что я могла до этого называть приличным обществом, это вот эти люди (Оксана, высшее образование).

¹⁷ Отсылка к тому, что информантке нравится «Бригада», так как связана с чувством ностальгии.

А третья категория – это, как правило, люди, которые не... без оскорбления, просто я действительно считаю, что работа над собой, что работа над профессией, что работа над телом, чем угодно – она абсолютно одинаковая. А здесь люди, которые, понимаешь, сознательно отказываются от этого. Они неглупые, может быть, но по той или иной причине, вот, наукой тоже занимаешься, а я не пошел ни в аспирантуру, никуда, хотя предлагали, в общем, здесь люди, которые сознательно сделали свой выбор. Ну, я считаю, мне кажется, что музейная тема их не интересует, театры, может быть, драматические какие-то интересны – и то не факт. А так, я считаю, сериалы, кино и прочее (Андрей, высшее образование).

У них по досугу, ну, я работаю на стройке, это люди, я их вижу каждый день, я понимаю, о чем они. У них отдых – посмотреть телик, попить пивка, с соседом, с другом покопаться в гараже в машине... [...] «Бригада» – само собой, просто обязательно, наверное, и «Давай поженимся», и «Игру престолов», ну, и возможно «След», нет, вот эти три. «Игра престолов» – потому что кровь, секс, мясо, «Давай поженимся» – потому что дичь, им такое нравится, а «Бригада» – какой же это разнорабочий без сериала «Бригада» (Роман, высшее образование).

Обеим группам информантов задача с карточками формулировалась одинаково. Для информантов с высшим образованием, как видно по интервью, важен факт наличия или отсутствия высшего образования как критерий, влияющий на организацию досуга и выбор его типа. Для группы информантов со средним образованием это не имеет столь большого значения. Что касается в целом процедуры раскладывания карточек в этой группе, во-первых, нужно уточнить, что 2 человека из 14 информантов отказались группировать карточки, указав на отсутствие каких-либо ассоциаций между профессиональной принадлежностью и способами проведения свободного времени. Помимо этого примечательно, что один из согласившихся участвовать в этом задании сразу предложил в качестве критериев группировки возрастной и гендерный.

Многомерное шкалирование по результатам интервью информантов со средним специальным образованием дает крайне плохой показатель stress, о чем было упомянуто выше. То есть два выбранных нами измерения очень плохо подходят для отражения общей логики раскладывания карточек. Мы считаем, что это происходит по нескольким причинам. Группа с высшим образованием выглядит более однородной в плане представлений об использовании культурного капитала как сигнала групповой идентичности. В случае информантов со средним специальным образованием такой связи не наблюдается, скорее присутствует ассоциация с женскими и мужскими занятиями и приписываемыми им чертами характера (например, женщины более романтичные, мужчины более грубые), иногда – с возрастом (например, молодежи приписывается больший интерес к сериалам) или сферой занятости (например, педагоги будут отнесены в одну группу, а врачи – в другую). Разницу систем классификации можно проследить на примере расположения карточки с профессией «медицинская сестра». Только несколько человек из группы информантов с высшим образованием положили эту карточку рядом с «врачом-терапевтом» и «врачом-хирургом», тогда как для информантов со средним образованием это является частым вариантом раскладки. Деление на жен-

ские и мужские занятия, как можно увидеть, связывают с особенностями женского и мужского характера. Объединение карточек по принципу общности профессиональной сферы, как следует из нарративов, тоже связывают с особенностями характера, однако это более сложная для интерпретации часть, поскольку некоторые информанты упоминали, что выбор профессии связан с интересами человека и его особенностями¹⁸, а другие просто указали, что видят сходство между людьми схожих профессий, но не могут более детально это описать¹⁹. Помимо указанных причин объединения карточек в группы здесь также возникал вопрос об условиях труда и графике занятости. Ниже представлены цитаты, которые иллюстрируют упомянутые принципы: разделение на женские/мужские профессии и интересы, возрастное деление, особенности характера, интересы представителей разных профессиональных групп, условия работы.

Ну это скорее такая женская работа [учитель биологии, учитель начальных классов, доцент кафедры высшей математики, химик-лаборант, воспитатель детского сада, няня]. Воспитатели сейчас все молодые. Ну, мне кажется, это прямо «Давай поженимся», ну, Достоевского, думаю, учителя в принципе учат и должны знать. «След», ну такие сериалы, больше, наверное, любители. Явно «Аватар» и «Бригада» не будут смотреть – кровь и с легким оттенком ужаса. Здесь женская половина отрасли работает. Они могли бы встретиться и легко «Движение вверх» и «Давай поженимся» сесть посмотреть за чашками чая-кофе (Кирилл, среднее специальное образование).

Тут все-таки такая интеллигенция собралась [художник-иллюстратор, врач-хирург, учитель биологии, врач-терапевт, учитель начальных классов, доцент кафедры высшей математики, химик-лаборант, бухгалтер, воспитатель детского сада, медицинская сестра]. Все-таки учителя и высший преподавательский состав, я имею в виду «доцент кафедры высшей математики» и так далее. Это более интеллигенция, я так считаю. [...] Я думаю, что многие из них, такие как воспитатель детского сада, бухгалтер, возможно, медсестра, – они могут смотреть спокойно «Давай поженимся», потому что это возрастная категория «40+» шоу. Также им, может, будет нравиться, скорее всего, Достоевский и Дарья Донцова, опять же из-за возрастного ценза (Григорий, среднее общее образование).

Я их поставила вместе [инженер-геолог, учитель биологии, электромонтажник, токарь, химик-лаборант], потому что они все мыслят этими, как сказать, соединениями [...] Они могут смотреть что-то интересное, развивающее. «Аватар» бы посмотрели и «След». Еще бы они посмотрели какую-то штуку типа, на ютубе есть канал, там девушка, у нее сова живет. Про природу, про зверюшек, про растения (Антонина, среднее специальное образование).

¹⁸ Например, творческие профессии или те, которые требуют ответственного подхода, или те, что связаны со сферой подсчетов и аналитикой.

¹⁹ Мы предполагаем, что это все указывает на отсутствие четкой ассоциации между профессиональной принадлежностью и досугом, которая была у группы информантов с высшим образованием.

Первый столбец [ювелир, врач-хирург, учитель биологии, врач-терапевт, учитель начальных классов, доцент кафедры высшей математики, проводник пассажирского вагона, курьер, маляр-штукатур, столяр-плотник, мастер по ремонту обуви, разнорабочий, водитель автобуса, полицейский, дворник, охранник, электромонтажник, токарь, слесарь-сантехник, химик-лаборант, повар-пекарь, почтальон, бухгалтер, воспитатель детского сада, медицинская сестра, парикмахер, швея] – такие профессии, как мне кажется, человек отработал смену и приходит домой, сильно там не запаривается, может посмотреть что-то по тому же телеку. Просто включить. Что показывают, то и хорошо. Опять же некоторые профессии будет сложно, потому что сильно будет зависеть от возраста. Почтальон может быть и как дедуля какой-то в возрасте, и молодой парень. Абсолютно разные интересы будут [...] «СашуТаню», наверно, все посмотрят, «Давай поженимся», мне кажется, сильно от пола зависит. «Игру престолов» по телевизору не показывают. Ну «Игра престолов» наверно, тоже в первую очередь от возраста, от пола будет зависеть. Наверно, большая часть не будет смотреть (Алексей, среднее специальное образование).

В приведенных цитатах мы можем видеть отсылки к системе классификации объектов, например, деление на «развлекательную» или «серьезную» литературу, взгляд на сериалы как развлечение. Однако у этой группы нет однозначной связи между наличием высшего образования и представлением о «серьезном» или «интеллектуальном» досуге. В некоторых случаях выбор «серьезной» литературы или отказ от развлекательных сериалов приписывают врачам, педагогам или тем, кто связан с финансовой сферой (вроде кредитных аналитиков или бухгалтеров). Мы видим, что информанты по-разному представляют себе характеры разных профессиональных групп и, соответственно, разным группам приписывается идея «серьезности». Это очевидно в случае с карточкой «доцент кафедры высшей математики». В приведенном выше фрагменте интервью Кирилл относит эту карточку к группе педагогов, которая ассоциируется с «женским» досугом, Григорий – к группе интеллигенции²⁰, Алексей – к группе с тяжелыми условиями труда. При этом единое для всех представление, будто любому профессионалу с высшим образованием свойственен отказ от развлекательного и простого и предпочтение более «сложного», отсутствует, здесь скорее акцентируется связь с чертами характера или интересами представителя какой-либо профессиональной группы.

ВЫВОДЫ

В начале этого текста мы говорили о том, что устройство системы классификации искусства отсылает к системе взаимоотношений между группами, в связи с чем нас интересовало то, одинаково ли индивиды понимают сигнальную функцию культурных предпочтений, и то, как используют это знание. В этой постановке во-

²⁰ В процессе исследования лишь в двух интервью (в группе со средним специальным образованием) информанты поднимали тему интеллигенции (в гайде вопроса об этом не было, обсуждение возникло во время раскладывания карточек). В обоих случаях информанты отмечали в качестве отличия представителей интеллигенции от других воспитание и манеру общения.

проса мы опирались на статью Димаджио (DiMaggio 1987): он предлагает рассматривать существующую в обществе систему классификации искусства не только как результат усилий экспертов (в поле культурного производства) по созданию ритуально закрепленных жанровых делений, но также и как результат деятельности потребителей, которые вовлечены в процесс создания групповых границ, где культурные предпочтения играют решающую роль. Говоря о потребителях, Димаджио здесь обращается к традиции²¹, рассматривающей культурные предпочтения индивидов как ресурс для построения новых связей. В самой простой формулировке этот тезис таков: индивиды объединяются в группы на основании сходства вкусовых предпочтений, таким образом используя культурный капитал как сигнал для определения «своих» и «чужих». Отсюда следует, что мы можем наблюдать консенсус в случае наличия большого числа контактов между представителями небольшого числа социальных групп, а также в случае универсального доступа к образованию, предлагаемому школьной или университетской системой, которая может выступать каналом передачи информации о системе классификации (DiMaggio 1987:448).

О каких группах здесь идет речь? Исследования культурного потребления в целом основаны на тезисе о взаимосвязи социальной позиции и составляющих стиля жизни, характерных для статусных групп Вебера (Lizardo 2016:1)²². Димаджио пишет, что в современных обществах мы не наблюдаем четко разграниченные статусные группы, скорее стоит говорить о членстве в статусной культуре²³ и возможностях, которые появляются у индивидов, способных манипулировать сигналами, приносящими символическую выгоду (DiMaggio 1987:445). Следуя этой традиции рассмотрения культурного капитала как ресурса в интеракции, мы должны пытаться ответить на вопрос о том, вход в какие коллективы открывает умение пользоваться определенными сигналами, и о том, какие индивиды становятся наиболее опытными пользователями этих сигнальных систем. Например, если статусная культура характеризуется способностью понимать и любить «высокое» искусство, преимущество получают индивиды, имевшие возможность инвестировать в свой культурный капитал. При этом Димаджио отмечает, что мы столкнемся с ситуацией, когда представления индивидов о досуге «других» будут основаны на культурных стереотипах и покажут мало совпадений с тем, что регистрируют опросы по культурному потреблению (DiMaggio 1987:445).

²¹ Эта традиция рассмотрения культурного капитала как сигнала, проявляющегося в интеракции, была затем продолжена в ряду последующих исследований (см. напр.: Holt 1998; Lizardo 2016).

²² При этом Лизардо (Lizardo 2016:1) показывает существующее разнообразие способов определения социальной позиции от уровня образования до членства в профессиональных группах.

²³ Так как культурные объекты и способы проведения досуга оцениваются неодинаково, можно говорить о том, что выбор какого-то способа проведения досуга наделяет индивида определенным уровнем престижа. Такое же употребление понятия статусной культуры можно встретить, например, в статье Михаила Илле и Михаила Соколова (2018).

Мы стремились показать, что группы, занимающие разные позиции в социальном пространстве, в условиях наличия схожих принципов дифференциации культурных объектов будут использовать созданные системы классификации искусства с разными целями. Для индивидов с высшим образованием деление на более или менее интеллектуальные способы проведения досуга является способом создать границы с другими группами, соответственно, признание в приверженности к менее «легитимным» сериалам или авторам повлечет символические потери. При этом группа информантов со средним образованием скорее ориентирована на создание границ на основании признаков «гендер» и «возраст». Деление искусства на «серьезное» и «развлекательное» также присутствует, но информанты не видят ситуацию намеренного выбора «развлекательного» контента как грехопадение и потерю репутации. Возвращаясь к описанным во введении сценариям, отметим, что представленные нарративы иллюстрируют наличие четвертого сценария. Обе группы информантов используют схожие системы классификации литературы и кино, однако для группы с высшим образованием эти системы преобразуются в сигналы групповой идентичности, регулирующие поведение. Представители этой группы внимательно следят, чтобы случайно не выйти за границу одобренных досуговых практик (вроде чтения «признанной» литературы), и отказываются считать частью своего круга всех, кто не знает этих правил игры.

Важно отметить, что в данном исследовании мы не могли наблюдать ситуаций взаимодействия между представителями разных социальных групп, так как основной метод здесь – интервью. Задания с карточками – это попытка отразить классификации, которые фреймируют выбор определенного способа проведения досуга. Конечно, предсказать на основе проведенных интервью успешность интеграции в разнообразные коллективы в дальнейшем мы не можем. Здесь мы говорим лишь о том, какие инструменты доступны каждой группе, как ее представители оценивают досуговые практики и какие границы на основании этого могут выстраивать²⁴.

Какие выводы о сигнальных возможностях культурных предпочтений мы можем сделать на основе исследования и как согласуются наши находки с результатами проведенных опросов? Полученные нарративы показывают, что индивиды с высшим образованием проводят деление между стилями жизни, приписываемыми специалистам со средним и высшим уровнем подготовки. Для них «свои» – это такие же, как они, специалисты интеллектуального труда, постоянно инвестирующие в свой культурный капитал. Нарративы показывают, что для индивидов очень важно быть ассоциированными с этой группой, а это, в свою очередь, предполагает активный культурный досуг: не только чтение классических произведений или просмотр архаусного кино, но и посещение оперы и драматических театров. Для них «другие» – это «менее интеллектуальные» и «менее культурные», им трудно представить, что частью их группы может быть

²⁴ Например, Ламон в книге «Money, Morals, and Manners: The Culture of the French and the American Upper-Middle Class» также делает выводы о границах на основе проведенных интервью (Lamont 1992).

кто-то, заполняющий свободное время исключительно просмотром российских сериалов и чтением иронических детективов. Они ищут в других такого же избирательного отношения к планированию досуга. Выше мы писали о том, что представления о «других» часто основаны на культурных стереотипах. Такого типа представления мы наблюдаем и здесь. Опросы показывают, что индивиды со средним образованием реже вовлекаются в активный культурный досуг по сравнению с людьми с высшим образованием (Корсунова 2017; Илле и Соколов 2018), однако это не значит, что они абсолютно не знакомы с тем образом жизни, который так превозносят работники интеллектуального труда. Важно то, что они, во-первых, не придают ему такого большого значения, во-вторых, представляют досуг в связи с делением на женские и мужские занятия, а также занятия, свойственные молодежи и иным возрастным группам.

Когда мы сравниваем образование родителей и детей, обе группы информантов выглядят гомогенными: кроме четырех случаев, уровень образования участвующих в исследовании полностью соответствует уровню образования их родителей. Помимо того, что мы знаем о разных досуговых практиках, эта картина говорит в пользу гипотезы о том, что обе группы довольно замкнуты. Когда мы обсуждали после интервью стратегии рекрутирования участников исследования, большинство информантов с высшим образованием отметили, что у их друзей тоже есть высшее образование, а вот знакомых со средним специальным образованием, подходящих по критериям отбора участников данного исследования, у них совсем нет. Если опираться на результаты многомерного шкалирования, кажется, что в их представлении о мире между группами с высшим и средним образованием существуют непроницаемые границы. Однако из другого исследования, тоже проведенного в Санкт-Петербурге, мы знаем, что это не так (Соколов и Соколова 2020): целью авторов здесь было создать стратификационную схему на основе данных о занятости информанта и его ближайших друзей. Результатом их работы является схема, включающая шесть кластеров, которые авторы интерпретируют как среды, образованные как горизонтальными, так и вертикальными границами. В их анализе кластеры были выделены в результате применения алгоритма Лувейн с довольно низким показателем модулярности – 0,33 (Соколов и Соколова 2020:16), что означает наличие проницаемых границ между группами, то есть кластеры не замкнуты полностью сами на себе. Как и в нашем исследовании, кластеры с разными профессиональными группами разделяет здесь в том числе и отношение к высокой культуре и организации досуга.

При планировании дальнейшей работы важным нам представляется обратить внимание на следующие направления. (1) Плодотворным продолжением темы видится исследование значения включенности в статусную культуру для выбора брачного партнера (в гайде представленного здесь исследования эта тема отсутствовала). (2) Исследование Илле и Соколова (2018), как и данная работа, показывает, что внимание к потреблению высокой культуры не ослабевает, несмотря на экономический кризис 1990-х годов. Одним из направлений объяснения этого феномена может быть изучение каналов распространения информации о существующих системах классификации, наделяющих престижем определенные практи-

ки потребления. В качестве таких каналов Димаджо (DiMaggio 1987) рассматривает школьную и университетскую системы. (3) Отдельное исследование может быть посвящено культурному потреблению индивидов, играющих роль посредников между группами, – тем индивидам, которые за счет знакомства с разными системами сигналов имеют доступ ко многим коллективам. Согласно теоретическим предпосылкам, эти индивиды демонстрируют большую толерантность к разнообразной организации досуга и менее склонны проводить границы между объектами высокой и низкой культуры (Erickson 1996; DiMaggio 1987). В данном исследовании было несколько таких информантов, но эта тема не входила в сферу нашего интереса на этом этапе и собранных нами данных пока недостаточно, чтобы сделать полноценные выводы об этой категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Илле, Михаил и Михаил Соколов. 2018. «Статусная культура во времена экономической трансформации. Потребление высокой культуры в Петербурге, 1991–2011». *Мир России. Социология. Этнология* 27(1):159–182. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-159-182>.
- Корсунова, Виолетта. 2017. «Публичные досуговые практики в России: статусные различия и структурные особенности». *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены* 5:194–213. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.11>.
- Соколов, Михаил. 2019. «Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России». *Социология власти* 31(1):71–91. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-71-91>.
- Соколов, Михаил и Надежда Соколова. 2020. «Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации в современной городской России». *Экономическая социология* 21(4):12–29. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-4-12-29>.
- Bachmayer, Tito, Nico Wilterdink, and Alex van Venrooij. 2014. “Taste Differentiation and Hierarchization within Popular Culture: The Case of Salsa Music.” *Poetics* 47:60–82. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2014.10.004>.
- Benzecry, Claudio, and Randall Collins. 2014. “The High of Cultural Experience: Toward a Microsociology of Cultural Consumption.” *Sociological Theory* 32(4):307–326. <https://doi.org/10.1177/0735275114558944>.
- Boltanski, Luc, and Laurent Thévenot. 1983. “Finding One’s Way in Social Space: A Study Based on Games.” *Social Science Information* 22(4–5):631–680. <https://doi.org/10.1177/053901883022004003>.
- Bourdieu, Pierre. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge.
- Bourdieu, Pierre. 1993. *The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature*. New York: Columbia University Press.
- DiMaggio, Paul. 1987. “Classification in Art.” *American Sociological Review* 52(4):440–455. <https://doi.org/10.2307/2095290>.
- DiMaggio, Paul, and John Mohr. 1985. “Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection.” *American Journal of Sociology* 90(6):1231–1261. <https://doi.org/10.1086/228209>.
- Erickson, Bonnie H. 1996. “Culture, Class, and Connections.” *American Journal of Sociology* 102(1):217–251. <https://doi.org/10.1086/230912>.
- Goffman, Erving. 1951. “Symbols of Class Status.” *British Journal of Sociology* 2(4):294–304. <https://doi.org/10.2307/588083>.
- Holt, Douglas B. 1998. “Does Cultural Capital Structure American Consumption?” *Journal of Consumer Research* 25(1):1–25. <https://doi.org/10.1086/209523>.
- International Labour Office. 2012. *The International Standard Classification of Occupations – ISCO-08*. Geneva: ILO.

- Lamont, Michèle. 1992. *Money, Morals, and Manners: The Culture of the French and the American Upper-Middle Class*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lamont, Michèle, and Annette Lareau. 1988. "Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Developments." *Sociological Theory* 6(2):153–168. <https://doi.org/10.2307/202113>.
- Lamont, Michèle, and Virág Molnár. 2002. "The Study of Boundaries in the Social Sciences." *Annual Review of Sociology* 28:167–195. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141107>.
- Laumann, Edward O., and Louis Guttman. 1966. "The Relative Associational Contiguity of Occupations in an Urban Setting." *American Sociological Review* 31(2):169–178. <https://doi.org/10.2307/2090902>.
- Lizardo, Omar. 2006. "How Cultural Tastes Shape Personal Networks." *American Sociological Review* 71(5):778–807. <https://doi.org/10.1177/000312240607100504>.
- Lizardo, Omar. 2016. "Why 'Cultural Matters' Matter: Culture Talk as the Mobilization of Cultural Capital in Interaction." *Poetics* 58:1–17. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2016.09.002>.
- Lizardo, Omar, and Sara Skiles. 2008. "Cultural Consumption in the Fine and Popular Arts Realms." *Sociology Compass* 2(2):485–502. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2008.00101.x>.
- Lizardo, Omar, and Sara Skiles. 2012. "Reconceptualizing and Theorizing 'Omnivorousness' Genetic and Relational Mechanisms." *Sociological Theory* 30(4):263–282. <https://doi.org/10.1177/0735275112466999>.
- Mohr, John W. 1998. "Measuring Meaning Structures." *Annual Review of Sociology* 24:345–370. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.345>.
- Thomas, Kyla. 2022. "The Psychology of Distinction: How Cultural Tastes Shape Perceptions of Class and Competence in the US." *Poetics* 93:101669. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2022.101669>.
- Van den Haak, Marcel, and Nico Wilterdink. 2019. "Struggling with Distinction: How and Why People Switch between Cultural Hierarchy and Equality." *European Journal of Cultural Studies* 22(4):416–432. <https://doi.org/10.1177/1367549419861632>.
- Veblen, Thorstein. [1899] 2017. *The Theory of the Leisure Class*. London: Routledge.
- Weber, Max. [1921] 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press.
- Woodward, Ian, and Michael Emmison. 2001. "From Aesthetic Principles to Collective Sentiments: The Logics of Everyday Judgements of Taste." *Poetics* 29(6):295–316. [https://doi.org/10.1016/S0304-422X\(00\)00035-8](https://doi.org/10.1016/S0304-422X(00)00035-8).

**ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СПИСОК ПРОЦИТИРОВАННЫХ
ИНТЕРВЬЮ**

Псевдоним информанта	Год рождения	Образование информанта (сведения со слов информантов)	Занятость в настоящее время	Образование родителей
Ольга	1983	высшее, связи с общественностью	работает по специальности	высшее
Екатерина	1985	высшее, историческое	работает по специальности	высшее
Оксана	1987	высшее, финансово-экономическое	работает по специальности, дополнительно работает массажистом	высшее
Михаил	1989	высшее, теория языкознания, филологическое	преподавание английского частным образом	у отца высшее, у матери среднее
Андрей	1988	высшее, юридическое и бухгалтерское	работает по специальности	у отца – неизвестно, у матери высшее
Роман	1987	высшее, строительство	работает по специальности	высшее
Елена	1983	среднее специальное, парикмахер-стилист	обработчик изделий из пластмассы на заводе	среднее специальное
Кирилл	1989	среднее специальное, техник-механик	администратор отеля	среднее специальное
Григорий	1985	среднее общее	пеший курьер	среднее специальное
Антонина	1990	начальное профессиональное, закройщик-портной	укладчик в магазине	среднее специальное
Алексей	1990	среднее специальное, слесарь механосборочных работ	промоутер, внутренние строительные работы	среднее специальное (информант не уверен, что точно знает уровень образования)
Елизавета	1982	среднее специальное, бухгалтер-экономист, также парикмахер	работает на складе, фасовка, комплектовка и отправка заказов	у отца – неизвестно, у матери – среднее специальное

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СПИСОК АВТОРОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЙ В КАЧЕСТВЕ СТИМУЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

Автор	Bookmate ²⁵ (топ самых скачиваемых аудио- и электронных изданий за 2020 г.)	Российская книжная палата (период (кол-во лет), в течение которого входит в топ-20)	Школьная программа	Премия «Большая книга»	Премия «Ясная Поляна»
Дарья Донцова		3			
Рэй Бредбери		3	+		
Стивен Кинг		3			
Федор Достоевский	+	3	+		
Пауло Коэльо		1			
Эрих Мария Ремарк		2	+		
Борис Акунин	+	1			
Александр Бушков		0			
Гузель Яхина		1		+	+
Даниэла Стил		0			
Евгений Водолазкин		0		+	+

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. СПИСОК ФИЛЬМОВ И СЕРИАЛОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЙ В КАЧЕСТВЕ СТИМУЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

Наличие награды в области кинематографа										
Название	Зарубежный или российский	Оскар	Глобус	Ника	Орел фильм	Пальма	Орел сериал	Тэфи	Эмми	Сборы Россия
«Аватар»	зарубежный		+							\$ 119 903 638
«Движение вверх»	российский									\$ 54 104 854
«Леди Бёрд»	зарубежный		+							\$ 295 402
«Пятьдесят оттенков серого»	зарубежный									\$ 16 626 154
«Остров»	российский			+	+					\$ 2 600 000
«Паразиты»	зарубежный	+				+				\$ 1 630 822
«Игра престолов»	зарубежный								+	
«Бригада»	российский						+	+		
«Давай поженимся!»	российский									
«След»	российский							+		
«СашаТаня»	российский									

²⁵ Материалы распространяются организацией, выполняющей функции иностранного агента.

“INTELLECTUAL” LEISURE ACTIVITY AND “SIMPLE” ENTERTAINMENT: PREFERENCES IN ART AS SYSTEM OF SIGNALS

Nadezhda Sokolova

Nadezhda Sokolova, Department of Sociology, HSE University in Saint Petersburg (Russia). Address for correspondence: HSE, ul. Sedova, 55/2, Saint Petersburg, 192019, Russia. nasokolova@hse.ru.

The author would like to thank Tatiana Tretyakova and Arsenii Verkeev for their help in preparing the interview guide and lists with authors and movies used in conversations with informants. The author also thanks Maria Ivanova for assistance in finding informants for this study.

Scholarship where cultural consumption is intertwined with the issues of stratification focuses on the possibilities and consequences of using cultural capital as a signal in interaction. In this case authors not only study differences in consumption patterns, but also examine boundary-defining activity. It is assumed that individuals form groups based on similarity of cultural preferences and exclude those whose interests are recognized as “bad taste.” Signals of expression of “good” or “bad” taste are the type of information that allows an individual to divide social space into groups. In this line of research the main question is focused on connection between cultural consumption and social position. Social position is determined not only as membership in a class, following the tradition of Pierre Bourdieu, but also in terms of occupational status or education level. In this article I pose questions about the coherence of the system of signals and the ways to use it. Are individual expressions of “good” and “bad” taste similar, and what kinds of signaling functions do they use? Based on interviews conducted in Saint Petersburg, Russia, I conclude that, despite the coherence of the classification system of cultural objects, only representatives of the group with greater resources maintain external boundaries based on cultural consumption patterns, while for the group with fewer resources cultural consumption is not such type of signal.

Keywords: Cultural Consumption; Sociology of Art; Social Stratification; Cultural Capital; Social Boundaries

REFERENCES

- Bachmayer, Tito, Nico Wilterdink, and Alex van Venrooij. 2014. “Taste Differentiation and Hierarchization within Popular Culture: The Case of Salsa Music.” *Poetics* 47:60–82. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2014.10.004>.
- Benzecry, Claudio, and Randall Collins. 2014. “The High of Cultural Experience: Toward a Microsociology of Cultural Consumption.” *Sociological Theory* 32(4):307–326. <https://doi.org/10.1177/0735275114558944>.
- Boltanski, Luc, and Laurent Thévenot. 1983. “Finding One’s Way in Social Space: A Study Based on Games.” *Social Science Information* 22(4–5):631–680. <https://doi.org/10.1177/053901883022004003>.
- Bourdieu, Pierre. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge.
- Bourdieu, Pierre. 1993. *The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature*. New York: Columbia University Press.

- DiMaggio, Paul. 1987. "Classification in Art." *American Sociological Review* 52(4):440–455. <https://doi.org/10.2307/2095290>.
- DiMaggio, Paul, and John Mohr. 1985. "Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection." *American Journal of Sociology* 90(6):1231–1261. <https://doi.org/10.1086/228209>.
- Erickson, Bonnie H. 1996. "Culture, Class, and Connections." *American Journal of Sociology* 102(1):217–251. <https://doi.org/10.1086/230912>.
- Goffman, Erving. 1951. "Symbols of Class Status." *British Journal of Sociology* 2(4):294–304. <https://doi.org/10.2307/588083>.
- Holt, Douglas B. 1998. "Does Cultural Capital Structure American Consumption?" *Journal of Consumer Research* 25(1):1–25. <https://doi.org/10.1086/209523>.
- Ille, Mikhail, and Mikhail Sokolov. 2018. "Statusnaia kul'tura vo vremena ekonomicheskoi transformatsii: Potreblenie vysokoi kul'tury v Peterburge, 1991–2011." *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* 27(1):159–182. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-159-182>.
- International Labour Office. 2012. *The International Standard Classification of Occupations – ISCO-08*. Geneva: ILO.
- Korsunova, Violetta. 2017. "Publichnye dosugovye praktiki v Rossii: Statusnye razlichii i strukturnye osobennosti." *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskoe i sotsial'nye peremeny* 5(141):194–213. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.11>.
- Lamont, Michèle. 1992. *Money, Morals, and Manners: The Culture of the French and the American Upper-Middle Class*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lamont, Michèle, and Annette Lareau. 1988. "Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Developments." *Sociological Theory* 6(2):153–168. <https://doi.org/10.2307/202113>.
- Lamont, Michèle, and Virág Molnár. 2002. "The Study of Boundaries in the Social Sciences." *Annual Review of Sociology* 28:167–195. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141107>.
- Laumann, Edward O., and Louis Guttman. 1966. "The Relative Associational Contiguity of Occupations in an Urban Setting." *American Sociological Review* 31(2):169–178. <https://doi.org/10.2307/2090902>.
- Lizardo, Omar. 2006. "How Cultural Tastes Shape Personal Networks." *American Sociological Review* 71(5):778–807. <https://doi.org/10.1177/000312240607100504>.
- Lizardo, Omar. 2016. "Why 'Cultural Matters' Matter: Culture Talk as the Mobilization of Cultural Capital in Interaction." *Poetics* 58:1–17. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2016.09.002>.
- Lizardo, Omar, and Sara Skiles. 2008. "Cultural Consumption in the Fine and Popular Arts Realms." *Sociology Compass* 2(2):485–502. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2008.00101.x>.
- Lizardo, Omar, and Sara Skiles. 2012. "Reconceptualizing and Theorizing 'Omnivorousness' Genetic and Relational Mechanisms." *Sociological Theory* 30(4):263–282. <https://doi.org/10.1177/0735275112466999>.
- Mohr, John W. 1998. "Measuring Meaning Structures." *Annual Review of Sociology* 24:345–370. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.345>.
- Sokolov, Mikhail. 2019. "Pokoleniia vmesto klassov? Vozrast i potrebitel'skaia revoliutsiia v Rossii." *Sotsiologiya vlasti* 31(1):71–91. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-71-91>.
- Sokolov, Mikhail, and Nadezhda Sokolova. 2020. "Sredy, a ne klassy: Patterny gorizontāl'noi stratifikatsii v sovremennoi gorodskoi Rossii." *Ekonomicheskaiia sotsiologiya* 21(4):12–29. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-4-12-29>.
- Thomas, Kyla. 2022. "The Psychology of Distinction: How Cultural Tastes Shape Perceptions of Class and Competence in the US." *Poetics* 93:101669. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2022.101669>.
- Van den Haak, Marcel, and Nico Wilterdink. 2019. "Struggling with Distinction: How and Why People Switch between Cultural Hierarchy and Equality." *European Journal of Cultural Studies* 22(4):416–432. <https://doi.org/10.1177/1367549419861632>.
- Veblen, Thorstein. [1899] 2017. *The Theory of the Leisure Class*. London: Routledge.
- Weber, Max. [1921] 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press.
- Woodward, Ian, and Michael Emmison. 2001. "From Aesthetic Principles to Collective Sentiments: The Logics of Everyday Judgements of Taste." *Poetics* 29(6):295–316. [https://doi.org/10.1016/S0304-422X\(00\)00035-8](https://doi.org/10.1016/S0304-422X(00)00035-8).